

ПОЛИТИКА НОСТАЛЬГИИ И ФОН ЛИЧНОГО ОПЫТА

В.П. МАКАРЕНКО,

заслуженный деятель науки РФ, доктор политических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
e-mail: vpmakar@aanet.eu

Автор на материале собственной биографии размышляет о формах и практиках современной российской пропаганды. Она воспроизводит основные положения советского этатизма — представление о безусловной правоте государственной власти и приоритете интересов государства перед интересами человека и общества. Но советское государство не было справедливым, оно было основано на лжи и лицемерии. Как полагает автор, новейшая история России позволяет говорить о трансформации советского прошлого в российское настоящее.

Ключевые слова: биография; пропаганда; советское прошлое; ностальгия по СССР; неосоветизм; этатизм.

By the material of his own biography, author reflects on the forms and practices of the contemporary Russian propaganda. It reproduces the basic provisions of Soviet statism: the notion of the government absolute truth and priority of state interests over the interests of individuals and society. But the Soviet state was not fair, it was based on lies and hypocrisy. As suggested by the author, the recent history of Russia allows to speak about transformation of Russia's Soviet past in the present.

Keywords: biography; propaganda; the Soviet past; the nostalgia for the Soviet Union; neosovetizm; etatism.

Коды классификатора JEL: B24, B25.

Журнал «Новое литературное обозрение» посвятил сдвоенный номер (2007, № 1/83–84) проблеме новейшей истории. Затем издал этот номер в виде двух томов, каждый размером в Библию. В этом издании детально рассмотрены многообразные аспекты воспроизводства советского прошлого в современной России. Во вступительной статье «Недавнее прошлое как вызов историку» Ирина Прохорова пишет, что уже более десяти лет культивируется общая социальная амнезия; это облегчило возможность манипуляции общественным сознанием, спровоцировало ностальгию и идеализацию советской эпохи; сегодня научная мысль вместо создания альтернативной истории России воспроизводит систему координат «Краткого курса истории ВКП(б)», скрывая это под модной терминологией [13].

Для квалификации советского прошлого С.С. Неретина ввела метафору «советская грязь» [11], а нынешнюю Россию квалифицирует как неосоветизм на усеченном неороссийском пространстве [10]. Такой подход к оценке ситуации совпадает с одной из множества мудрых констатаций Эрнста Юнгера: «Правительства сменяют друг друга, как членики ленточного червя; но их голова, их умопостигаемый характер остается прежним. Каждое новое пристраивает ряд новых камер к существующей тюрьме. Искусство государственного управления все более сводится к умению при всем при том создавать иллюзию свободы, а следовательно, главным средством наряду с полицией становится пропаганда» [16].

Составной частью нынешней российской пропаганды является не только идеализация Сталина, но и утверждение заведомой правоты государственной власти: «Она выше любых нравственных и юридических оценок. Она неподсудна по определению, ибо руководствуется государственными интересами, которые священнее интересов человека и общества, морали и права. Правота всегда на стороне государства... Эта мысль пронизывает новые учебные пособия (по истории, — В.М.) от начала и до конца» [14].

Попробую впасть в ностальгию — вспомню давние и недавние фрагменты моего советского жизненного и научного опыта.

Предыстория

С 8 класса я учился в школе-интернате для детей малоимущих железнодорожников. В начале 10 класса мы с друзьями выработали жизненную программу — совместное овладение знаниями в сфере истории, литературы, философии. Мы знали, что учиться сразу на всех гуманитарных факультетах невозможно. Поэтому собирались поступать на разные факультеты, а знания передавать друг другу в процессе общения. Мы знали, что советское государство не является справедливым, хотя с детства нам в школе вбивали в голову противоположную мысль. На основе небольшого жизненного опыта мы сообща пришли к истине: советское государство стоит на лжи. Ложь мы видели постоянно, по русской традиции смешивая ее с несправедливостью.

Приведу пару примеров, подтолкнувших к такому выводу. Родители нас научили: берешь в долг — надо честно и быстро его отдать. Поэтому в наш детский ум не помещался факт советской истории: с каждой полочки наши отцы и матери были обязаны приобретать облигации государственного займа. Сколько я ни спрашивал родителей, когда же им отдадут долг, — ничего вразумительного в ответ не получил. Отец и мать умерли, облигации истлели на чердаке. Убежден, что тот же опыт приобрели большинство моих ровесников. Еще тогда, в ранней юности, мы сделали вывод: норма человеческого поведения — вовремя отдать долг; государство эту норму не соблюдает; значит оно грабит население; все, кому «за державу обидно», лгут вслед за державой.

Я рос на железнодорожной станции. Постоянно видел рабочих, разгружавших громадные вагоны с углем, цементом, негашеной известью (кто не знает что это такое, пусть попробует разгрузить 60 т извести в жару). Смотрел на путевых рабочих (мужчин и женщин), независимо от погоды ковыряющих железнодорожный путь. Все получали за свою работу копейки. Были разновидностью советских «бурлаков на Волге». Отец начал писать в газету «Правда» о неправильных расценках за труд. В итоге его выкинули из КПСС. После смерти отца я убедился, что он был прав: в начале сталинских пятилеток советская власть установила такую зарплату за все виды труда, что советское государство оказалось большим эксплуататором, чем капиталистическое.

Но уже более десяти лет спрашиваю коллег-экономистов: кто серьезно занимается разработкой и применением теории эксплуатации для объяснения социальных процессов в СССР и нынешней России? Ничего вразумительного пока не услышал.

Эти примеры можно продолжать. Из них мы — школьники — вывели следствие: гуманитарное знание нужно для противодействия лжи. Поэтому приобретение знания мы рассматривали как главную жизненную задачу. Постфактум можно сказать: в отличие от постмодернистов мы были стихийными просветителями. Напомню о клиническом и циническом способе использования знания, о которых писал Пьер Бурдьё.

Жизнь внесла коррективы. По житейским обстоятельствам я был вынужден бросить 10 класс, пойти работать грузчиком (чтобы сразу зарабатывать копейку, достатка у родителей не было), учиться в вечерней школе. Чтоб жизнь не заела, надо было воспитывать стойкость характера для сопротивления обстоятельствам во имя реализации идеи. Эту идею я старался донести друзьям-москвичам. Но они отнеслись к ней прохладно. Назвали меня «диктатором». Давление московского мещанства на поведение друзей я начал ощущать с 18 лет (до армии полгода жил и работал

в окрестностях столицы, а потом провел в Москве в общей сложности лет 5-6). Однако никто из них не кончил вуз. К сорока годам все они спились. Такая перспектива стояла и передо мной, но все же я победил.

В армии я служил в штабах ракетных частей. Получал «заманчивые» намеки от особистов на возможность обучения в высших учебных заведениях КГБ. Однако ни шпионская профессия за кордоном, ни перспектива стать дипломированным «соглядатаем» дома меня никогда не прельщала. Отец и мать одинаково брезгливо относились к «сэкам» (советским сексотам и немецким полицаям) и милиционерам. Родители оказались правы: в милицию из нашего класса пошел самый бездарный двоечник, который всегда у меня списывал. Своим умом я пришел к выводу: эта публика является привилегированными холоуями государства. Сегодня о том же можно прочесть у А. Бовина.

Служба складывалась так, что я имел возможность много читать. Не на шутку увлекся философией. Даже та куца библиотека, которую успел прочесть в армии (в сопоставлении с небольшим жизненным опытом), привела меня к выводу, существующее общество и государство являются только одними из многих и потому не могут считаться лучшими.

После армии я сформулировал главную жизненную проблему, как не стать холоумом и не превратиться в лакея, и решил: философия дает наибольшую степень интеллектуальной свободы.

Однако за время учебы на философском факультете, в аспирантуре Ростовского университета, дальнейшей работы в университете у меня сформировалось твердое убеждение: все советское обществоведение (за незначительными исключениями, но речь не о них) является системой холуйства, а культивирующие его люди — идейными холоуями или циничными лакеями. Это убеждение базировалось на житейских наблюдениях и выводах.

В том числе и на том, что я поступал на факультет уже после армии сложившимся книжником. Мир книг для меня всегда значил больше, чем так называемый реальный мир. Мой интерес к философии — продукт интереса к книгам. Книга более или менее противостоит действительности. Одновременно она дает разнообразные точки зрения на действительность. Ни одна из них не является единственно верной. Поэтому чтение книг — школа противостояния действительности. И в то же время — отбор таких точек зрения, которые ближе к собственному жизненному опыту. Когда мне было лет 8–9, мама говорила: «В книгах всего пять процентов правды». Так она реагировала на мое книжное пристрастие. А когда мне исполнилось 16, с горечью констатировала: «У тебя голова забита черти чем». Ее сентенции привели только к тому, что я начал искать книги, в которых больше правды, чем лжи. Постепенно научился селекционировать книги. Примерно к 20 годам у меня выработались первые критерии отбора книг: серьезные книги, требующие постоянной работы ума и воображения, стимулирующие мысль; те, которые можно читать за обедом (за эту привычку меня тоже лупила мать); «сортирная» литература, которую по прочтению надо использовать по назначению...

Вплоть до настоящего времени я пользуюсь этими критериями. Время от времени сталкиваюсь с аналогичными суждениями у моих ровесников. Например, Гидон Кремер пишет, что его мать часами готовилась к политсеминарам, исписывала целые тетради о политической линии очередного партсъезда. Однако о содержании всего этого никогда не было заинтересованных разговоров с отцом. А когда с обязателькой было покончено, радости так и не возникло. «Поколению моих родителей не было оставлено в обществе пространства, не подлежащего государственному контролю, в котором было бы место духовной полемики... Молчание было неотъемлемой частью советской жизни. Каждое слово могли использовать против тебя... Мое поколение было легкомысленнее предыдущего, для многих из нас чтение значило не только обретение знаний, оно способствовало формированию понятия справедливости» [4].

Иными словами, сознательная часть моего поколения была вынуждена так или иначе задумываться о собственной мере дистанцирования от окружающей советской действительности. Этот эмпирический материал еще не собран, не классифицирован и толком не отрефлексирован. Я не считаю, что конфликт обязательно должен происходить между отцами и детьми. Конфликты идут внутри поколения, но остаются пока безмолвными.

Я поступил на вечернее отделение философского факультета после службы в армии, одновременно работал на заводе. И убедился: среди большинства так называемой рабочей молодежи (по крайней мере в тех группах, к которым я принадлежал) не была популярной идея о том, что гуманитарное знание нужно для противодействия лжи (я безуспешно пытался это им объяснить). Главным мотивом учебы моих коллег-сокурсников был не интерес к науке, а желание приспособиться — получить диплом, распределиться по специальности, сделать карьеру. Стремление заниматься интеллектуальным творчеством как главным источником наслаждения и смыслом жизни редко встречается, даже среди профессуры. Большинство не знает радости, связанной с гносеологическим чувством. Для многих оно остается непонятым. Большинство бросает «работать над собой» после кандидатской или докторской диссертации.

Из опыта родителей, чтения книг и житейского опыта я вынес твердое убеждение: интеллектуальное творчество есть самоцель, но оно редко способствует материальному преуспеванию. Отсюда я сделал для себя вывод, что надо научиться жить на одних сухарях, одновременно культивируя интенсивный интеллектуальный труд; быть равнодушным к деньгам. Такая схема поведения граничит с аскетизмом, хотя мы практиковали ее в интернате. Однако опыт жизни с первой женой научил меня, что отдельные дамы бросаются в драку, когда их начинаешь воспитывать в таком духе. Правда, историки Ростова-на-Дону считают, что только ростовчанки отличаются «...неприлично откровенным меркантилизмом, когда буквально все в мире измеряется деньгами» [3]. Однако такой способ поведения один мой бывший студент называет «хватательно-глотательным рефлексом» и считает его универсальным, а не специфической принадлежностью ростовских дам. Есть повод поспорить, опираясь на специалистов по гендерным проблемам...

У большинства коллег вместо презрения к деньгам господствовали иные взгляды. Вспоминаю ситуацию, когда пришел к однокурснику за книгой, а его друзья сыронизировали: «Не лучше ли за сберкнижкой?». Жадность вообще была одним из распространенных мотивов поведения. В этом смысле вспоминаю научение мамы: прежде всего надо щедро поделиться с человеком всем, что у тебя есть. Вместо критического отношения к советской власти и официальной идеологии господствовали ее стихийная, или осознанная, апологетика или цинизм. Вместо подлинного атеизма, или безрелигиозности, существовало скрытое согласие с религией. Тем более что органы КПСС с 1960-х гг. начали насаждать идеологему «русской партии», проповедуя «возврат к истокам в виде крестов да куполов».

Из учебы на философском факультете я вывел правило — хотя связь приспособленчества и холуйства является неписанным правилом, надо ей противодействовать.

Но свою долю дерьма мне тоже пришлось съесть. Я заканчивал университет досрочно. Для поступления в аспирантуру нужно было членство в КПСС. Об этом мне сказал руководитель дипломной работы. Для интеллигенции существовали ограничения в приеме. Я работал грузчиком на элеваторе. Был, так сказать, пролетарием с босяцкой подкладкой. Хорошо помню, как во время приема в партию на открытом собрании рабочих мой бригадир сказал: «Парень при силе, при здоровье, такого надо принять в партию». Гордиться этим или печалиться? На факультетских и университетских партсобраниях я уяснил, что громадный интеллектуальный багаж истории мысли (который делал сомнительной любую спущенную сверху «политическую мудрость») совершенно не использовался.

Из всего этого уже после 1991 г. я сделал общемировоззренческий вывод — большинство нынешних жителей России, стран СНГ и всего бывшего «советского блока» привыкли находиться в дерьме; нынешние споры об отношении к советскому прошлому идут между тремя социальными классами и типами людей: теми, кто был в дерьме «по шею», «по уши» и «по макушку»; политика ностальгии по советскому прошлому, пропагандируемая нынешним руководством России, свидетельствует, что нормой пока остается «по макушку»; об этом свидетельствуют также «научные прогнозы», согласно которым еще одно-два поколения будет жить на обломках советского прошлого.

Фон местной памяти

В период перестройки я издавал книги, научные и публицистические статьи, в которых излагал концепцию бюрократии, соображения о политической оппозиции, высказывал предложения о пересмотре официальной идеологии и системы социальных наук. Это вызывало разную реакцию коллег. Приведу примеры.

В журнале «Дон» я опубликовал отрывок из книги «Революция и власть», посвященный критике теории и практики строительства социализма в СССР, а также советской историографии Октябрьской революции. В предисловии к публикации заведующий отделом очерка и публицистики журнала Н.С. Оганесов отмечал: статья вызовет споры, неприятие, возмущение; редакция со мною не согласна, но публикует ее по соображениям гласности, поскольку «...за холодным, жестким, местами излишне «занаученным» текстом видна горячая, неравнодушная, подверженная сомнениям, но свободная от догмы личность» [6, с. 116].

В последствии ответственный секретарь журнала И.М. Бондаренко упрекал меня в том, что я аналитическим скальпелем (который он сравнил с кинжалом для хакари) разрезал организм, но не удалил из него лишнее и не зашил. По мнению И.М. Бондаренко, к социализму надо относиться чувственно, а не логически; выдающиеся умы не могли ошибаться; цель человечества и цель социализма одна и та же — торжество Духа над Материей; поэтому перестроечный лозунг «больше демократии — больше социализма» поможет создать новое общество [6, с. 133].

В статье «Идеи и машина» (глава из книги «Марксизм: идея и власть») я критиковал ленинскую концепцию партии. Эту статью поместили параллельно со статьей кандидатов исторических наук В.И. Бузова и В.В. Гаташева. Они упрекали меня в следующем: я занимаюсь ныне модным «срыванием масок»; ленинская концепция партии как внесения сознания в рабочее движение вытекает из взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса; во всем виноват Сталин, сколотивший советское государство неленинскими гвоздями; надо сохранить веру в партию; СССР никогда не жил «по Марксу»; истоком перестройки является ленинизм; сталинизм и политика последующего руководства СССР связаны; перестройка возникла не на пустом месте, а мучительно пробивала себе дорогу через целую серию проб и ошибок [7].

Затем журнал публиковал отклики на статьи. Ветеран КПСС А. Овечкин обвинял меня в «клевете на партию, на Ленина», а редакцию журнала — в «полной безответственности».

Доктора философских наук Е. и В. Золотухины упрекали меня в том, что я «затронул святое»; что надо помнить библейский призыв «не судите, да не судимы будете»; что идея революции как способа решения социальных проблем выдумана злодеями-французами, а не Лениным; что люди всегда опираются на истины своего времени, поэтому нельзя обвинять Ленина в насилии (поскольку им пользовались все) и приписывать Ленину утилитарные мотивы «власти ради власти»; только сейчас начали прибегать к «этике ненасилия»; надо ориентироваться на экономическую и политическую практику стран Запада и одновременно анализировать «духовные парадигмы и политические нормы» наших дедов и прадедов, а не только факты и результаты; всякое осуждение прошлого есть «экстремизм наоборот»; надо учиться терпимости и толерантности, видеть в истории стремление к «святой цели», поскольку «...история страны в чем-то подобна истории людей».

Кандидат философских наук А. Субботин усмотрел в статьях конъюнктурность и обоснование лозунга «демплатформы»: «Даешь свободный рынок!», хотя ни в советское, ни в постсоветское время я за рынок не выступал. Правда, грешен, был одним из руководителей Ростовского отделения «демократической платформы в КПСС». Но небольшой опыт практической политики привел меня к обоснованному подозрению: вся так называемая многопартийность — советская разновидность российского полицейского социализма. А поскольку я сказал это открыто сразу после путча 19–21 августа 1991 г. — из «демплатформы» меня выкинули. Так что теперь я полностью антипартийная личность. Хотя мои подозрения пока никто не развенчал, скорее наоборот [5].

Кандидат философских наук С. Липовой в принципе согласился со мной, хотя упрекнул в противоречивости; по его мнению, наука сама по себе является «злокозненной», а большинство политиков — злодеями; марксизм должен быть развит духовным способом и соболезновать любому человеку.

Зато кандидат технических наук И. Ковалев назвал мой анализ социализма и ленинской доктрины партии «блестящим». Общество зашло в тупик во всем — таков самый конструктивный вывод в процессе его оздоровления.

В. Чудинов одобрял мое «идеологическое бесстрашие».

М. Нестеров отметил, что в рамках существующей государственной системы невозможно улучшить жизнь людей. Нездоровая социальная система не может содержать в своих структурах здоровые элементы. Она стремится от них избавиться любыми средствами. Поэтому в СССР совестливые, деловые, талантливые люди не смогли найти применения своим силам. На руководящих должностях процветают бездары. Как исправить эту систему? — на этот вопрос общественные науки ответа не дают [8].

Возникает параллельный вопрос: как расценивать все приведенные суждения — как адаптацию моих коллег к ситуации или как выражение их искренних убеждений? Напомню, что идея о человеке как разновидности амебы, приспособляющейся к изменениям среды, входит в состав консерватизма и вытекающей из него социобиологии. М.К. Петров называл человека социализированной мухой или тараканом. С проблемой искренности убеждений дело сложнее. В среде обществоведов в советское время тип циника был господствующим (как показал Л. Столович). Но и сегодняшний студент мне говорит: «Виктор Павлович, у меня нет никаких убеждений». В чем же дело?..

Московский сюжет 1992–1993 гг.

В весеннем семестре 1992 г. я был в Институте переподготовки и повышения квалификации преподавателей общественных наук при МГУ на повышении квалификации. Тогда практиковалось приглашение на занятия разных активистов, всплывших на волнах перестройки. Там я впервые увидел С. Кургиняна. Правда, до этого я уже читал его тексты. Поэтому резко выступил не только против него, но и против самой идеи приглашения невежественных демагогов к ученым. Потом в ИППК при МГУ поместили фотомонтаж об этой встрече. Фотограф дал мне фото, благодарил за выступление. Слушатели ИППК потом пару недель при частных встречах жали мне руку. Но никто из них не осмелился публично выступить против. В каком случае они были искренни — когда безмолвно-публично внимали бреду или когда приватно жали мне руку и благодарили за выступление?¹

В июне 1992 г. я предложил провести круглый стол журнала «Вопросы философии» по проблеме бюрократии. Акция состоялась, ее материалы опубликованы [2]. В октябре 1992 г. меня пригласили преподавать в Российскую академию управления (так тогда называлась Российская академия государственной службы). Там читал курс «Теория бюрократии» и еще что-то. Чуть позже пригласили читать лекции по той же тематике в Высшую школу профдвижения. После этого начались непонятные звонки с приглашением встретиться. Я тогда жил в гостинице Российской академии управления возле станции метро «Юго-Западная». Приходил в условленное место встречи, но никого не было.

24 декабря 1992 г. я выступал как неофициальный оппонент на заседании диссертационного совета в РАУ на защите Г.Н. Сердюкова. После защиты пошли на банкет. Там коллеги-москвичи начинают меня поздравлять за смелое выступление в газете «Советская Россия». У кого-то оказалась газета. Я прочел статью «Топор за доллары», подписанную моим именем, которую я не писал [15]. В этой статье (даже с сохранением моего стиля) подвергались критике Джордж Сорос и вместе с ним еще ряд лиц, причастных к реализации грантов Фонда Сороса в России.

После этого всю ночь пил горькую. Потом поехал на Курский вокзал, купил билет, первым попавшимся поездом уехал в Ростов. Прежде всего позвонил ректору РГУ А.В. Белоконову, рассказал ему ситуацию. Он ответил, что надо хорошо «дать по зубам». 30 декабря 1992 г. я высту-

¹ С. Кургинян уже 20 лет держится на политической сцене. Теперь участвует в «Суде истории», собирает толпы на митинги. Академик РАН Ю.С. Пивоваров вынужден с ним вести полемику...

пил на Ростовском телевидении с рассказом о том, что под моим именем опубликована статья, которую я не писал. Обзвонил всех знакомых ростовских коллег-философов. Не буду называть фамилий, но большинство начало меня поздравлять за смелое выступление. Они думали, что я на самом деле сторонник «Советской России». Так я убедился, что мои коллеги социальных и политических преобразований не поддерживали.

Потом написал письмо-опровержение, поехал в Москву, пошел в редакцию «Советской России», рассказал там ситуацию, договорился о встрече с главным редактором В.В. Чикиным. Но вместо него меня принял заместитель. Я требовал, чтобы мне показали оригинал «моей» статьи и опубликовали мое письмо-опровержение. Но ничего не добился, письмо-опровержение не опубликовали, лишь 18 января 1993 г. на последней полосе опубликовали несколько строк самым мелким шрифтом.

В Институте философии РАН начались скандалы. Дело в том, что уже было подписано заявление о приеме меня на работу в Институт философии. Но в статье упоминался тогдашний директор института. После выхода статьи большинство коллег из Института философии заподозрили меня в ренегатстве. Только один из них твердо сказал: «Макаренко так поступить не мог». За это я ему навечно благодарен.

Посоветовавшись с коллегами, подал в Свердловский суд Москвы иск на редакцию газеты «Советская Россия» о защите чести и достоинства. И уехал в Ростов. Спустя некоторое время на адрес ИППК при РГУ пришел денежный перевод — гонорар за статью. Видимо, эта публика надеялась, что даже перед их «вшивой копеечкой» я не устою. Далее события развивались так — читаю лекцию в Ростовском ИППК. Слышу стук в дверь. Выхожу — оказывается, приехал заместитель главного редактора «Советской России». После лекции он начал уговаривать меня забрать иск. Я отказался.

Потом дважды по повесткам ездил в Москву на заседание суда. Оба раза заседания откладывались из-за неявки представителей из «Советской России». По совету коллег из Института философии РАН обратился к О. Лацису из редакции «Известий». Встретился с ним, он взял у меня письмо-опровержение. Фрагменты из письма были опубликованы в статье Н. Боднарука в газете «Известия» [1]. После этого все стали поздравлять меня, что добился правды.

Зачем я это все вспоминаю? В прошлом году местные молодежные организации устроили сходку [17], а в газете «Мой город Ростов» была почти дословно воспроизведена фразеология из статьи в «Советской России» двадцатилетней давности [9]. Опять потребовалось вмешательство газеты «Ведомости» [12].

Таков лишь один из множества конкретных механизмов ностальгии по СССР. Каждый читатель может поразмыслить над этой частной историей периода трансформации советского прошлого в российское настоящее. А я продолжу ностальгировать...

ЛИТЕРАТУРА

1. Боднарук Н. Топорная работа: на примере статьи «Топор за доллары» («Советская Россия») // Известия. 1993. 18 мая.
2. Бюрократия, авторитаризм и будущее демократии в России: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1993. № 2.
3. Вареник В. Ростов и ростовцы после 1917 г. Ростов-н/Д.: НВ, 2010. С. 320.
4. Кремер Г. Иностраный артист. М.: НЛО, 2006. С. 53, 84, 332.
5. Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе. Эскизы к биографии в миротрансформационной перспективе. М.: Территория будущего, 2010. С. 356–465.
6. Дон. 1990. № 1.
7. Дон. 1990. № 4. С. 135–140.
8. Дон. 1990. № 8. С. 128–139.
9. Миронова А. Западную бюрократию разгромили // Мой город Ростов. 2011. 1–7 июля.
10. Неретина С.С. Были ли революционеры контрреволюционерами? // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2012. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://politconcept.sfedu.ru/2012.2/10.pdf>.

11. *Неретина С.С.* Воскресение политической философии и политического действия. Парижское восстание 1356–1358 гг. М.: Голос, 2012. С. 373.
12. *Олейник А.* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/264498/v_poiskah_tretej_sily.
13. *Прохорова И.* Недавнее прошлое как вызов историку (на правах вступительной заметки) // 1990-й: опыт изучения недавней истории. Сб. статей и материалов. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 9–16.
14. *Рогинский А.* Память о сталинизме // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 27.
15. Топор за доллары // Советская Россия. 1992, 24 декабря.
16. *Юнгер Э.* Годы оккупации (апрель 1945–декабрь 1948). СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 202.
17. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rostov.aif.ru/society/news/38224>.